

Раб Божий Даниил, начинающий христианин, которому за особые заслуги, как думал он сам, а на самом деле — просто чтобы порадовать, позволили надеть стихарь, был зело опечален.

За те полгода, что прошли со времени его обращения, он уже выучил наизусть утреннее и вечернее молитвенное правило, покаянный канон и прочёл всю богословскую литературу, какую нашёл в Интернете. Он не пропускал ни одной церковной службы. Он строго постился по средам и пятницам и, к великому огорчению родителей, совершенно отказался от мясной пищи. Но не стяжал ни сугубой благодати, ни мало-мальского уважения со стороны старших братьев по вере.

Первый в своей недолгой пока что жизни пост — Рождественский — Даниил решил провести в подвиге сухоядения, но отец настоятель, старый протоиерей, усмехнулся в бороду и благословил вернуть в рацион мясо, но исключить из него Интернет.

— Только если по учёбе что-то нужно, — добавил отец Михаил, — а так ни-ни.

Дабы подсластить пилюлю, отец Михаил пообещал, что если Даня исполнит возложенное на него послушание, то на Рождество ему разрешат надеть стихарь.

Воодушевлённый обещанием будущих благ, Даниил не чаял дождаться светлой ночи праздника. Всенощная началась за час до полуночи. С душевным трепетом надев первое в жизни церковное облачение, Даниил смиренно ждал дальнейших указаний. И дождался.

— Ага, вот ты где! — пробасил отец дьякон, появляясь в ризнице. — Я от отца Михаила. Он велел передать, что назначает тебя пастухом.

— Кем? — не понял Даниил.

— Кем слышал, — отвечивал отец дьякон. — Понимаешь, праздник нынче великий, народу много будет, а пастухов у нас два всего: отец Михаил да отец Илья. Так что третьим будешь. И поручается тебе, брат, пасти малое стадо, каковое без пастыря бузит и разбредается...

И Даниил понял, что его нынешнее служение будет заключаться в надзирании за младенцами от семи лет и ниже по возрасту.

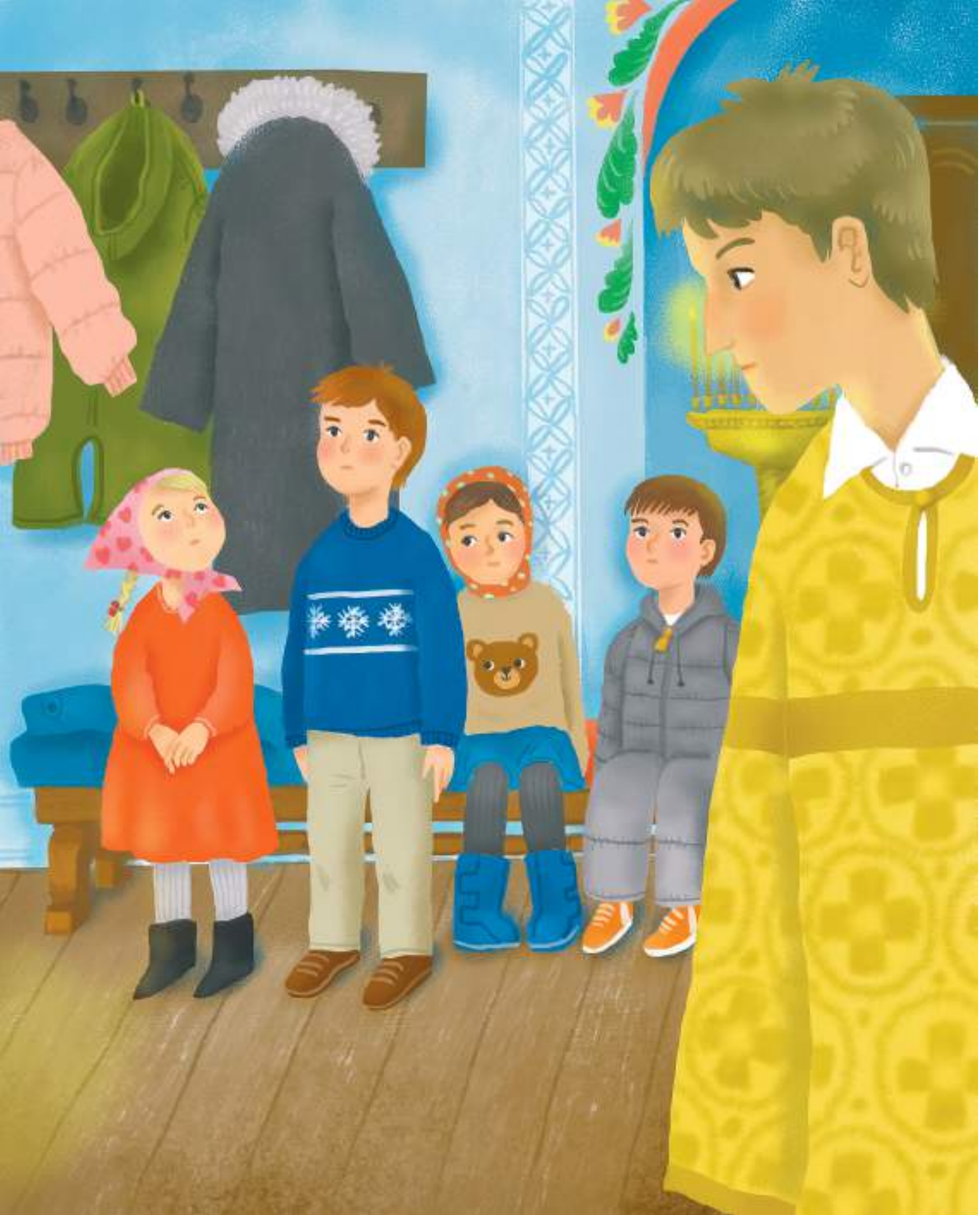
— За что?! — не выдержал он.

— За заслуги перед Отечеством, — прогудел отец дьякон и вдруг стал серьёзным. — Обычно матушка моя с ними возится, а сегодня не может, приболела, на тебя вся надежда.

В общем, раб Божий Даниил был зело опечален.

Покинув ризницу, он уныло поплёлся исполнять дурацкое послушание.

Его подопечные расположились позади молящихся на лавках у стены. Пока что все сидели смирно, а кое-кто даже стоял с самым торжественным видом. Даниил решил, что покамест «малое стадо» ведёт себя прилично и есть надежда, что через часок оно попросту устанет и уснёт.

Даниил встал чуть поодаль — так, чтобы на всякий случай не терять пасомых из виду, — и погрузился в праздничную соборную молитву. То есть попытался это сделать.

Через некоторое время он поймал себя на мысли, что думает, во-первых, о том, как несправедливо поступил с ним отец Михаил, а во-вторых, о том, как бы поскорее оказаться в трапезной.

С негодованием обличив себя, Даниил снова начал вслушиваться в слова песнопений. К сожалению, дикция певчих оставляла желать лучшего. Да и церковнославянский язык Даниил пока что знал на уровне «читаю и перевожу со словарём». Поэтому через некоторое время он снова обнаружил свои мысли витающими вокруг жареной курицы, которой вечером так вкусно пахло в доме причта.

Стиснув зубы, Даниил предпринял третью попытку влиться в реку молитвословия. Результатом стало голодное урчание в животе. Весь сочельник Даниил строго пропустился в уверенности, что это поможет ему стяжать сугубое молитвенное расположение.

Даниил напрягся и принялся возгревать своё хладное сердце мыслями о празднуемом событии. Для этого он попытался представить себе его так, как оно было описано в прочитанных книгах.

«Во время правления Ирода-царя, по повелению кесаря Августа, то есть римского императора Октавиана, прозванного Священным, — в натуге наморщив лоб, рассказывал самому себе Даниил, — была объявлена перепись населения...»

С трудом отогнав от мысленного взора призрак девушки с портфелем и значком «Всероссийская перепись», он попытался вообразить тоги и сандалии. Потом — тёмную пустынную дорогу, немолодого мужчину, ведущего под уздцы осла, на котором сидит молодая беременная женщина. Вот они приходят в город Вифлеем... Даниил весьма смутно представлял себе древнюю архитектуру Ближнего Востока. Видимо, поэтому никакого чувства сопричастности происходящему, о котором постоянно упоминалось у всех святых отцов, к нему никак не приходило. Но Даниил не сдавался.

«Было холодно, — говорил он себе, — а гостиницы оказались переполнены... и им пришлось найти пещеру, куда пастухи загоняли скот во время непогоды... И там Мария родила Господа и Сама — повитухи при Ней не было — спеленала Его и положила в ясли... Какое смирение! Творец мира лежит в кормушке для скота! Чьё сердце не умилится, созерцая сие?!»

Ответ был, увы, очевиден: сердце Даниила и не подумало умилиться.

«Холод, голод, усталость от дальней дороги, — попытался вразумить себя Даниил, — грязная пещера, солома, навоз, грубые, кое-как сколоченные доски... Пятнадцатилетняя Девушка и Её беспомощный Младенец...»

Даниил зевнул так, что едва не вывихнул себе челюсть. Есть уже не хотелось. Даже обида куда-то подевалась. Зато смертельно захотелось спать.